

**ЭРНЕСТО ЛАКЛАУ,
«РИТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБЩЕСТВА»,
VERSO: LONDON, NEW YORK, 2014.**

Юлия Мартинавичене¹

В книге «Риторические основания общества» собраны работы, написанные Эрнесто Лаклау в течение последних пятнадцати лет, каждая из которых, как указывает сам автор, служит своеобразным ответом на вызовы постмарксизма и постструктурализма в создании новой политической онтологии.

Несмотря на то, что практически все эссе из книги уже были изданы (как на испанском языке, так и в английских переводах), решение автора объединить их в полноценную монографию имеет огромное значение: для Лаклау все эти работы, написанные, в сущности, на различные темы, объединяются одним важнейшим теоретическим полем – последовательно оформленным и объединяющим все предшествующие разработки автора – теорией риторической политической онтологии социального. Вполне вероятно, что если бы не безвременная смерть Лаклау буквально за несколько недель до выхода в свет «Риторических оснований», именно это направление определило бы теоретические поиски автора в ближайшие годы.

Своеобразным предшественником этой книги стал сборник «Мистицизм, риторика и политика»², выпущенный в 2002 году на испанском языке и объединивший три статьи, написанные в период с 1996 по 1998 гг., также входящие в данный сборник: «Смерть и воскрешение идеологии», «Политика риторики» и «О божественных именах». Кроме того, ряд более поздних статей был включен в книгу 2008 года «Дебаты и сражения: на пути к новым горизонтам политики»³.

Однако динамика названий сборников напрямую отражает изменение исследовательских приоритетов Лаклау: если в 2002-м это был мистицизм, риторика и политика, где тема риторического является *одной из* интересующих автора тем, то в сборнике 2014 года ключевой акцент однозначно смещается на риторическое как фундаментальную логику общества, несмотря на то, что напрямую этой темы касаются

---

¹ Юлия Мартинавичене – магистр социологии, докторант Европейского гуманитарного университета по направлению «Философия» (г. Вильнюс, Литва).

² E. Laclau: *Misticismo, retórica y política*, Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica 2002.

³ E. Laclau: *Debates y combates: por un nuevo horizonte de la política*, Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica 2008.

лишь два эссе из девяти – «Артикуляция и пределы метафоры» и «Политика риторики».

В предисловии к книге Лаклау упоминает тех, кто оказал ключевое влияние на формирование центральных для книги идей: Ролана Барта (указывающего на ключевую роль для сигнификации ряда лингвистических категорий), Жака Деррида (рассматривающего взаимосвязь между случайным и детерминированным), Людвига Витгенштейна (чей анализ перформативности языка помог сформировать более точное понимание операции гегемонии) и Жака Лакана (в результате «прививки» идей которого и произошла окончательная трансформация концепта гегемонии Антонио Грамши). Очевидно, что теоретический горизонт книги значительно более широк: Лаклау довольно подробно останавливается на теориях Алена Баду, Джорджо Агамбена, Поля де Мана, Луи Альтюссера, Романа Якобсона, Славоя Жижека и многих других, чьи теоретические концепты используются для подкрепления и расширения ключевых аналитических разработок самого автора – теории гегемонии, популизма, артикуляции и риторической политической онтологии социального, объединяющей в результате все теоретическое поле, в котором работает Лаклау. В то же время – несмотря на очевидную важность анализа последнего теоретического направления – до сих пор предпринято лишь несколько попыток⁴ проанализировать «риторический поворот» в работах Эрнесто Лаклау (и – в более широком масштабе – в политической философии в целом).

Поэтому, на мой взгляд, необходимо более подробно остановиться на том, каким образом автор разворачивает теоретическое обоснование риторической природы социополитических процессов и встраивает его в концептуальный комплекс, являющийся для Лаклау знаковым – теорию гегемонии как логики структуриации политического поля.

Важно отметить, что аналитический шаг, заключающийся в концептуализации риторических тропов (чаще всего метафоры и метонимии) в качестве фундаментальной логики сигнификации и построения дискурса не является уникальной разработкой Лаклау – проект «метариторики» разрабатывался довольно активно на протяжении XX столетия и позиционировал риторические тропы как «концептуальный и лингвистический феномен, присутствующий во всех типах текста»⁵. Среди наиболее значимых исследований, заложивших традицию подобной интерпретации риторического, можно особо выделить ряд работ по структурной поэтике и прежде всего статьи так называемого афатического цикла Романа Якобсона, где риторическое переосмысливается как тропологический процесс, конструирующий объективную реальность посред-

⁴ См., например, Kaplan 2010, Kraniauskas 2014.

⁵ E. Chrzanowska-Kluczevska: Tropological space: the imaginary space of figuration, in *Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis*, 127 (2010), 26.

ством накладывания на массив гетерогенных элементов логику структуры, что и соответствует процессам означивания⁶.

Лаклау также ссылается на Якобсона в качестве основного источника по концепции тропов как универсальной логики, определяющей все процессы смыслопорождения. в этой трактовке риторика теряет любые отсылки к убеждающему дискурсу – как, впрочем, и прикрепление к специфическому типу дискурса (будь то прозаический или поэтический). В то же время, несмотря на существенное сужение области риторического (Жерар Женетт даже назовет новую область исследования *rhétorique restreinte*, «ограниченная риторика»⁷), риторика репозиционируется в более широком контексте, так как тропологическая модель становится способом и областью построения логических моделей бессознательных процессов, обуславливающих создание и особенности функционирования всех знаковых систем.

Для Лаклау подобная концепция риторики становится прежде всего способом переосмысления его теории гегемонии и популизма, причем первые попытки довольно подробной разработки вопроса о «тропологическом движении» в контексте анализа конституирования политических идентичностей и гегемонии как процесса структуризации политического поля делаются еще в 1998 году, когда на конференции «Культура и материальность» в Университете Калифорнии⁸ Лаклау представляет доклад, который – после исправлений и дополнений – в 2001 году войдет в сборник, посвященный Полю де Ману⁹, под заголовком «Политика риторики». Именно в этой статье Лаклау эксплицитно характеризует гегемонию как «политико-тропологическое движение»¹⁰. Рассматривая проведенный де Маном анализ одного из текстов Паскаля, где особое внимание уделяется тотализирующей роли нуля, «пустоты, становящейся означающим полноты»¹¹, Лаклау замечает сходство этого процесса с логикой гегемонии, с той лишь разницей, что в случае нуля он может быть замещен лишь единицей, в то время как гегемония подразумевает возможность актуализации *любого* элемента внутри системы эквивалентностей в качестве «политического козыря». в то же время Лаклау не проговаривает то, каким образом он понимает концепт «тропологический»: читателю остается декодировать суть понятия через общий контекст и прежде всего –

⁶ M.Kaplan: The Rhetoric of Hegemony: Laclau, Radical Democracy, and the Rule of Tropes, in *Philosophy and Rhetoric*, 43(3) (2010), 253–283.

⁷ G. Genette: La rhétorique restreinte in *Communications*, 16 (1972), 158.

⁸ E. Laclau: *Culture and Materiality*, University of California: Davis, 23–25 April 1998.

⁹ E.Laclau: The Politics of Rhetoric, in T.Cohen, J. Hillis Miller, A.Warminski and B.Cohen (eds), *Material Events: Paul de Man and the After-life of Theory*, Minneapolis: Minnesota University Press 2001, 229–253.

¹⁰ E. Laclau: *The Rhetorical Foundations of Society*, London; Brooklyn, NY: Verso, 2014, 199.

¹¹ Там же, 208.

на основании второй части статьи, посвященной анализу «Аллегорий чтения» де Мана, где последний обращается к осмыслению бинарной оппозиции «метафора – метонимия» у Пруста. Именно в этом отрывке содержится важная для будущих разработок Лаклау замена исходной оппозиции двумя другими, характеризующими сущность метафорико-метонимического раздела как основного тропологической пары: одна оппозиция базируется на центрации отношений близости и аналогии, вторая – на отношениях случайности и необходимости. Если первая пара является классической для риторики, однако не вполне продуктивной в плане разделения тропов на непроницаемые группы, то вторая, по мнению Лаклау, «представляется более обещающей»¹². Одновременно автор не оставляет без внимания и особо подчеркиваемую де Маном принципиальную близость обоих тропов: метонимическая случайность обосновывает каждый факт метафорической обязательности. Лаклау стремится доказать этот тезис, обращаясь вновь к анализу логики операции гегемонии: основанная на случайности (в выборе из цепи эквивалентностей того или иного требования в качестве основного, совершенно необязательно связанного отношениями необходимости с рассматриваемой группой), гегемония может трактоваться как метонимическое смещение¹³. Однако в дальнейшем основной задачей гегемонической операции становится легитимация выбранного требования в качестве необходимо обязательного, что сравнимо с метафорической тотализацией по принципу аналогии. Подобная интерпретация тропологической пары метафора-метонимия, связывающая их отношениями детерминированности-случайности, представляет собой крайне интересный поворот, позволяющий встроить общую теорию случайного в политическую философию – шаг, который уже был сделан Жаном Бодрийяром¹⁴, однако вне связи со структурной логикой системного, выход на которую предлагает тропологическая концепция политического.

Несмотря на то, что Лаклау в качестве отправной точки для формулировки теории тропологического политического использует анализ метафоры и метонимии Якобсона, он в существенной степени уходит от открыто структурной логики этой бинарной оппозиции, неоднократно акцентируя смешанность идентичностей различных тропов: «Каждый из них стремится перетекать в другой»¹⁵. Различные силы и требования внутри политического поля неаналогичны друг другу и объединены лишь отношениями соположенности (со-существования) и случайности; в то же время операция гегемонии стремится к тотализации какого-то одного фрагмента этого поля за счет метафорической аналогии. Однако по сути отношения гегемонии носят синекдохальный характер, так как происходит подмена целого (его концентрация) одной из его частей.

¹² Там же, 216.

¹³ Там же, 217.

¹⁴ См., например, J. Baudrillard: *Impossible exchange*, London: VERSO, 2001.

¹⁵ E. Laclau: *The Rhetorical Foundations of Society*, London; Brooklyn, NY: Verso 2014, 237.

Но и синекдоха не вполне отражает характер происходящего: целое «состоит в непредсказуемом движении между его составляющей, стремящейся воплотить неопределенное целое и этим целым, которое может быть названо лишь через отчуждение посредством одной из составляющих его частей»¹⁶.

В работе «О популистском разуме»¹⁷ (2005) Лаклау продолжает развитие концептуализации политического как тропологического: рассматривая механизм популизма как способ понимания онтологического строения политической сферы в целом, в качестве ключевых категорий для анализа популизма Лаклау предлагает дискурс, плавающее означающее, гегемонию и риторику. Однако на этот раз основное внимание автор сосредотачивает вокруг описания логики катахрезы – фигурального наименования, которое не может быть заменено на буквальное. В то же время в определенном смысле катахреза функционирует по модели риторического в целом, так как фигуральное выходит на сцену именно в тот момент, когда обнаруживается бессилие буквольного назвать неназываемое. Аналогичным образом описывается и гегемония: «Если плавающее означающее появляется по причине необходимости назвать объект, который одновременно невозможен и необходим, в той нулевой точке сигнификации, являющейся одновременно и условием любого процесса означивания, то операция гегемонии по природе своей катахретична»¹⁸. Таким образом, к 2005 году Лаклау определенно рассматривает катахрезу уже не в одном ряду с метонимией и метафорой, а как фигуру, имеющую отличную от остальных онтологическую функцию – функцию ключевого тропа (*master trope*).

Однако в 2008 году, когда впервые увидела свет статья «Артикуляция и пределы метафоры», которая в сборнике «Время для гуманитарных наук: будущее и пределы автономии»¹⁹ вошла в раздел «Риторика и будущее политического», уже эксплицитно связывающий поле политического и тропологию; в той же главе размещались статьи Жан-Люка Нанси и Рэя Чоу, однако напрямую заявленной проблематики касается только эссе Лаклау, где автор представляет ключевые для новой трактовки тропов работы Романа Якобсона и Жерара Женетта, параллельно вновь реконструируя в свете тропологических концептов теорию гегемонии как логики политического. По итогам анализа текста Женетта, Лаклау ставит четыре вопроса, определяющих проблемную область тропологии в ее новом понимании; в виду особой важности этого пассажа приведем его практически полностью:

1) если семантические отношения, образующие метафору и метонимию, выходят за пределы риторической формы, не являются ли эти отношения связанными с сигнификацией в целом (...) не может ли

---

¹⁶ Там же, 240.

¹⁷ E. Laclau: *On populist reason*. London: Verso 2005.

¹⁸ Там же, 72.

¹⁹ J. Bono, T. Dean, & E. Ziarek: *A time for the humanities: Futurity and the limits of autonomy*, Ashland, Ohio: Fordham University Press 2008.

сигнификация рассматриваться как обобщенная риторика? Иными словами, может ли эта «риторичность» рассматриваться не как отклонение, но как конститутивное (в трансцендентальном смысле) в сигнификации?

2) (...) Не включает ли в себя отношение означающее / означаемое диалектику, отсылающую за пределы семантики, к материальности означающего, фиксирующей риторические смещения в самой структуре знака?

3) Почему в этих смещениях, риторических по своей природе, доминирует оппозиция «метафора – метонимия»?

4) Как понимать эту оппозицию? Включает ли она отношения комплементарности, или, напротив, взаимное ограничение их эффектов таким образом, что метонимия устанавливает пределы метафоры и наоборот?²⁰

Ответ на первые два вопроса довольно предсказуем – как и то, что в качестве ключевой отсылки Лаклау использует работы Романа Якобсона и прежде всего статью «Два аспекта языка и два типа афатических нарушений»²¹. Вслед за Якобсоном, Лаклау указывает на доминирование именно пары «метонимия – метафора» в качестве «фундаментальной матрицы, вокруг которой должны быть организованы все остальные тропы»²². Таким образом, Лаклау не ставит под сомнение легитимность самого факта соотношения тропов – в их трактовке, взятой из классической риторики, – с измерениями означивания. В то же время автор проблематизирует однозначную связь, устанавливаемую Якобсоном, между метонимией и синтагматическими отношениями комбинации, указывая, что вполне возможна комбинация, не включающая метонимические смещения и основанная на чистой синтактике. Тогда каким образом возможно доказать невозможность существования «нулевой степени» риторического? По мнению Лаклау, метафора и, соответственно, уровень прагматического функционируют совершенно по другой логике – синтаксические связи здесь просто невозможны: таким образом, «ось субституции, также являющаяся конститутивной для языка, разрушает сам принцип структурной локации, на котором основывается синтагматическая последовательность»²³.

Доказательство для второго тезиса Лаклау обнаруживает уже непосредственно у Соссюра – однако вновь-таки в описании именно парадигматического среза языка: Соссюр отмечает, что ассоциация «может также покоиться единственно на сходстве означаемых... или, наоборот, исключительно на общности акустических

²⁰ E. Laclau: *The Rhetorical Foundations of Society*, London; Brooklyn, NY: Verso 2014, 144–145.

²¹ См., например, Р. Якобсон: Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // *Теория метафоры*, М 1990, 110–132.

²² E. Laclau: *The Rhetorical Foundations of Society*, London; Brooklyn, NY: Verso 2014, 150.

²³ Там же, 152.

образов»²⁴, таким образом, тропологическое отношение действительно не ограничивается областью семантики. Однако что это нам дает? Лаклау подводит все обсуждение к заключению, которое уже встречалось и у де Мана, и у Женетта, и у самого Лаклау – хотя и вне глубоких теоретических оснований: метафора и метонимия перетекают друг в друга, единственное отличие между этими тропами в том, что

«в случае метонимии трансгрессия структурных локаций, определяющих отношения комбинации, полностью видна, в то время как в случае метафоры аналогия полностью игнорирует эти структурные различия – ассоциации, как показывает Соссюр, могут распространяться в самых разнообразных направлениях. в этом смысле можно сказать, что метафора есть *телос* метонимии, момент, когда трансгрессия правил комбинации достигает точки невозврата: возникает новая сущность, заставляющая нас забыть трансгрессивные практики, лежащие в ее основе. Однако без этих трансгрессивных практик, метонимических по своей сути, новая метафорическая сущность была бы невозможна»²⁵.

Таким образом, ключевым выводом для Лаклау является отрицание принципиального различия близости и аналогии и сведение их к двум полюсам одного континуума – вывод, к которому он приходил и в более ранних работах, посвященных этой тематике, однако на этот раз довольно глубоко обоснованный. Аналогичным образом Лаклау вводит отношения аналогии в пары «соположенный– аналогичный» и «случайный – эссенциальный», указывая, что «гегемония есть движение от метонимии к метафоре, от *случайных* артикуляций к *эссенциальной* принадлежности»²⁶.

Доказательство невозможности сигнификации вне тропологических смещений Лаклау проводит посредством обращения к разработанной ранее²⁷ идее невозможной тотальности, расширяя ее до масштабов сигнификации в целом: «Если репрезентация чего-то нерепрезентируемого является собственно условием репрезентации как таковой, это означает, что (искаженная) репрезентация этого условия включает в себя *субституцию* – являясь, таким образом, тропологической по своей природе»²⁸. А так как эта субституция включает в себя название чего-то принципиально неназываемого, то центральной операцией оказывается *катахреза* – реинтерпретируемая в контексте новой *риторики сигнификации* как термин,

²⁴ Ф. де Соссюр: *Труды по языкознанию*, Москва: Прогресс 1977, 158.

²⁵ E. Laclau: *The Rhetorical Foundations of Society*, London; Brooklyn, NY: Verso 2014, 154–155.

²⁶ Там же, 156.

²⁷ Why do Empty Signifiers Matter to Politics?, in *Emancipation(s)* (London: Verso, 1996); and *On Populist Reason* (London: Verso, 2005), Chapter 4.

²⁸ E. Laclau: *The Rhetorical Foundations of Society*, London; Brooklyn, NY: Verso 2014, 158.

который, репрезентируя тотальность, в то же время сохраняет и часть собственной идентичности²⁹.

Кроме того, для Лаклау принципиальным остается перформативный характер языка, связывающий сигнификацию, действие и аффект, что в результате осуществляет движение от риторического (вернее, тропологического) как измерения сигнификации к признанию за риторическим общеонтологической общности, что позволяет перенести разработанные концептуальные категории на анализ более широкого контекста социальной реальности³⁰.

Таким образом, в «Артикуляции и пределах метафоры» осуществляется гораздо более глубокий и последовательный анализ механизмов, определяющих риторико-тропологическое в качестве логики сигнификации в целом. В то же время в теоретической разработке проблемы теряется ценная опора на концепт неопределенности и ее роли в практиках означивания и – как следствие – в социальной реальности. Иннервация теории риторичности политического Лаклау с постструктуралистскими теориями (не)детерминированности позволила бы, на мой взгляд, усилить ее позиции в анализе прагматики дискурсивного аспекта социополитического измерения и увеличить прогностический потенциал теории.

---

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, 163.